

Р. Перну

ХИЛЬДЕГАРДА
БИНГЕНСКАЯ

Режин Перну
Хильдегарда Бингенская

«Издательство Францисканцев»

1995

Перну Р.

Хильдегарда Бингенская / Р. Перну — «Издательство Францисканцев», 1995

ISBN 978-5-89208-120-7

Книга известного французского автора Режи́н Перну создает яркий образ Хильдегарды Бингенской, бенедиктинской монахини XII в., отличавшейся необычайной одаренностью: она занималась богословием и записывала мистические картины бытия, являвшиеся ей в видениях, она сочиняла стихи и музыку, изучала свойства растений и их использование в медицине, лечила физические и душевные недуги. В переписке с императором и Папой Римским она бесстрашно изобличала то, что считала грехом. Вскоре после кончины ее стали почитать как святую. Официально Хильдегарду Бингенскую канонизировал Папа Бенедикт XVI в 2012 г., присвоив ей титул Учителя Церкви.

ISBN 978-5-89208-120-7

© Перну Р., 1995

© Издательство Францисканцев, 1995

Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	13
Глава III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Режин Перну

Хильдегарда Бингенская

© Éditions du Rocher, 1994

© Для русского издания – Централизованная религиозная организация Конференция монашествующих Католической Церкви, 2014

© Для русского издания – НО Издательство Францисканцев, 2014

* * *

Введение

Хильдегарда Бингенская – "тевтонская сивилла" и учитель для нашего времени

Маленький городок Айбинген расположен вокруг бенедиктинского монастыря, на покатых склонах, покрытых виноградниками и спускающихся до самого Рейна. Каждый год 17 сентября по его улицам проносят в золоченой раке останки основательницы этого монастыря Хильдегарды, которая словно вновь пробуждается к своему кочевому призванию среди собравшихся почитателей и паломников. Как много раз происходило на протяжении истории, христианский народ считал ее святой и обращался к ней за помощью и защитой, хотя Церковь официально не канонизировала ее. Еще один немец по происхождению, а именно, Папа Бенедикт XVI, удивил всех, предложив присвоить ей звание учителя Церкви, несмотря на то что большинству верующих в мире она, вероятно, неизвестна.

Хильдегарда Бингенская была человеком невероятно многосторонних дарований; казалось, в ней примиряются контрасты и приходят к гармонии харизмы, обычно несовместимые друг с другом. Не часто случается, чтобы богослов, да к тому же женщина, имела видения и писала о них. Она занималась изучением и разведением лекарственных растений, лечила физические и душевные недуги, писала музыку и стихи, а кроме того, была вовлечена в реформу клира своей эпохи. Затворница и странница, монахиня, удалившаяся от мира, и вместе с тем женщина, не чуждая политики, она имела решительный характер, и от природы слабое здоровье не мешало ей энергично действовать и бесстрашно обличать грехи современной ей Церкви. Всю жизнь она подчинялась внезапным и могучим откровениям Духа, которые переживала с самого детства. Этот необычный опыт заставлял ее жить как бы за пределами самой себя, отдавать свой ум, душу и жизнь Другому, являвшемуся ей с силой апокалиптических откровений Иоанна. Станем ли мы называть эти явления «экстраверсией», «экстазом», или же будет подчеркивать способность к экзистенциальному «расширению», способность вмещать в себя новое и необычайное, как бы то ни было, перед нами то, что очень трудно определить и классифицировать. В первом случае эта женщина была словно «вне себя», то есть безумна. В другом она «одержима» кем-то другим, то есть кажется бесноватой. Непростая дилемма. Сама Хильдегарда жила в страшном напряжении и сомнениях, пока не получила от Церкви удостоверения подлинности и ортодоксальности своего опыта. Однако то, что Бог открывал ей, было даром для других, и поняв это, она решилась предложить миру то, что Он давал ей познать и что она научилась познавать сама в тайниках своего сердца и во всех творениях, исполненных благословения Творца.

Хильдегарде выпало жить в трудное время. Сама она в одном письме к Папе называет его «*moderno*»; в другом месте говорит о своей эпохе как о «*tempus muliebre*», «женподобном» времени, уклонившемся от курса, задуманного Богом, от правильного и справедливого порядка вещей. Следуя велению Духа, она сумела принести в самое средоточие современных ей проблем немного сердечности, мудрости и человечности. Она обращалась не только к власти имущим – Римским папам, императору, королям, епископам, аббатам; двери ее сердца и монастыря были всегда открыты для людей нищих и всего лишенных, для простолюдинов, искавшего у нее духовного совета или лекарства для врачевания телесных и душевных ран. Мне кажется, что, предлагая присвоить ей титул учителя Церкви, Бенедикт XVI как бы приглашает нас не бояться мечтать о будущем, не довольствоваться ограниченным опытом нашего ближайшего окружения, расширить горизонт своего восприятия, мысли, духовной жизни и миссии. Мы стоим перед необходимостью научиться видеть и осмыслять мир, человека, культуру и жизнь Церкви в более универсальной, всеобъемлющей перспективе, научиться видеть единство всего

сущего, воспринимать мир как великое таинство Божие, ибо все в нем, по словам Хильдегарды, есть как бы «излучение» Творца и исходит от Бога, «как лучи исходят от солнца».

Автор книги, которую мы предлагаем вниманию читателей, – историк-медиевист. Она пишет для людей, уже очень далеких от того времени, вовсе не «темного» и не «мрачного», как все еще часто повторяют наши учебники истории. «Познай пути», – словно говорит нам Хильдегарда, как говорила своим современникам, – чтобы напомнить, что все на свете и все мы исходим из лона Пресвятой Троицы, хотя при этом живем в мире и в собственном теле, связанные с ними неразрывно; что Бог неустанно преображает все сотворенное Им, ведя к совершенству космического Христа – Альфы и Омеги вселенной.

о. Мариано Хосе Седано Сьерра СМФ

Глава I

Мир в 1098 году

1098 год. Могучая волна проходит в это время по всему известному миру – и на Востоке, и на Западе. Мир в буквальном смысле стронулся с места. Но не по приказу кесаря, как в прежние времена, когда, чтобы сохранить целостность границ между римским миром и варварами, приводились в готовность целые армии. Нет, совершенно спонтанно толпы народа заволновались и пришли в движение по призыву Папы, прозвучавшему в кафедральном соборе Клермона в день «зимнего» святого Мартина, 18 ноября 1095 года. Урбан II обратился к христианам, призывая их помочь восточным братьям и отвоевать святой град Иерусалим.

Прошедший век доносил из тех мест лишь самые дурные вести. Христиане узнали, что самое святое место – Гроб Господень – было разорено по приказу халифа Хакима; затем до них дошла весть о разрушении 1009 года – а именно, 18 октября, поскольку арабские хроники скрупулезно отметили дату – и о приказе не оставлять камня на камне от ротонды, некогда воздвигнутой на том месте императором Константином. Паломничества христиан в святые места полностью не прекратились, но стали реже, и те, кто оттуда возвращался, рассказывали всяческие ужасы о гонениях и зверствах, жертвами которых становились христиане. С течением времени положение лишь ухудшалось: турки-сельджуки, обращенные в ислам, обрушились на Малую Азию и поколебали силы Византии, пытавшейся остановить их натиск в Малазгерде. После этого они напали на армянские племена, варварски истребили их и разрушили их столицу Ани. Участь сирийцев была не лучше, и Антиохия, несмотря на оборону, в 1084 году попала в руки турок. Призывы о помощи все множились, достигая Европы через Средиземноморье, о котором арабские летописцы самонадеянно говорили, что «больше ни шепки не приплывет по нему с Запада».

Ответ на обращение Папы превзошел все ожидания и вызвал бурное движение по всей Европе. Не только рыцари и сеньоры, большие и малые, «брали в руки крест», но и масса крестьян и городских жителей устремилась в эту авантюру, масштаб которой сами участники осознавали плохо, и, вслед за несколькими страстными проповедниками, самый известный из которых во Франции именовал себя Петром Отшельником, отправились в вооруженное паломничество. Это был порыв настолько же сильный, насколько неорганизованный; и после всех попыток выжить с помощью грабежей он не мог не закончиться поражением. При этом мы можем лишь изумляться организационному духу, который выказали главные сеньоры, назначенные своими правителями возглавить движение, а также выбору трех разных маршрутов для пересечения Европы, с последующей встречей в Константинополе. Ни один глава государства, ни один король или император, не пустился в этот путь. Одно это ясно отличает явление, которое мы называли крестовыми походами (напомним, что сам термин появляется только в XVII в.), от завоевательных набегов, которые с тех пор совершались в Европе один за другим.

Путь был долгим: поход длился три года. В 1098 крестоносцы остановились перед Антиохией, в городских укреплениях которой, как говорят, насчитывалось триста шестьдесят башен. Крестоносцам понадобился год усилий и бесчисленных попыток взять город, в которых хитрость тесно переплеталась с мужеством. Однако уже с 1098 года крестоносцы на своем пути приступают к возведению собора, посвященного святому Павлу – в Тарсе, откуда он был родом. Тут мы касаемся еще одной характерной черты этого бурлящего мира: страсти к строительству. Город Клермон, в котором состоялся церковный собор¹, насчитывал не меньше

---

¹ Клермонский собор, созванный Папой Урбаном II, прошел с 18 по 27 ноября 1095 г. и положил начало крестовым

пятидесяти четырех храмов в то время, когда там находился Папа Урбан II. Впрочем, Папа совершает настоящий «обход» произведений романского искусства, поскольку во время своего путешествия он освящает церковь Шез-Дье, главный алтарь только что построенного огромного аббатства Ключни, которое вплоть до XVI в., до воссоздания собора Святого Петра в Риме, останется самым большим строением христианского мира; затем церковь Сен Флур, монастырский храм Сен Жеро д'Орильяк, собор Святого Стефана в Лиможе и церковь монастыря Сен-Совер в том же городе; потом новые алтари в аббатстве Сен-Совер в Шару и Сент-Илер в Пуатье. Он торжественно освящает церковь коллегиального капитула Сен Сернен в Тулузе, соборы в Магеллоне и Ниме и алтарь новой базилики Сен Жиль дю Гар. Мы назвали только главные этапы этого путешествия, которое наши современники, любители романских древностей, могут воспроизвести шаг за шагом. Неудержимое стремление строить неразрывно связано с распространением городов. Древние городища расширяются, множатся новые; и это будет продолжаться больше столетия. Средневековые замки – это вместе с тем и средневековые города, не говоря уже о монастырях, которые вырастают повсюду. После 910 года Ключни-ская реформа вызовет к жизни небывалый расцвет монашества. Нашествия предыдущих двухсот лет способны были уничтожить прекрасный христианский мир VI и VII вв., но теперь он чудесно возрождается из руин. После реформы Ключни, реформы Робера Модемского и с основанием аббатства Сито (как раз в том же 1098 году) жизнь по уставу святого Бенедикта глубоко обновляется, и возникают условия для расцвета монашеской жизни. Решающий импульс ей даст, спустя некоторое время, святой Бернард. Основание Ордена картузианцев святым Бруно в 1104 году, а чуть позже (в 1120 г.) – рождение Ордена премонстратов благодаря святому Норберту, свидетельствуют о духовном огне, которым пылала эта удивительная эпоха.

И вот в этом активно развивающемся мире, трудно точно определить, когда именно, в семье местной знати пфальцграфства родилась девочка, родители которой, Хильдеберт и Матильда (по-немецки Мехтильда), были, вероятно, родом из Бермерсхейма, графства Спонхейм. Она была десятым ребенком в семье и при крещении получила имя Хильдегарда. Это было неприметное рождение в семье, знатность которой не отразилась ни в каких значительных событиях; но оно оказалось удивительно соответствующим богатой и беспокойной эпохе конца века. В следующем году, 15 июля, крестоносцы взяли Иерусалим.

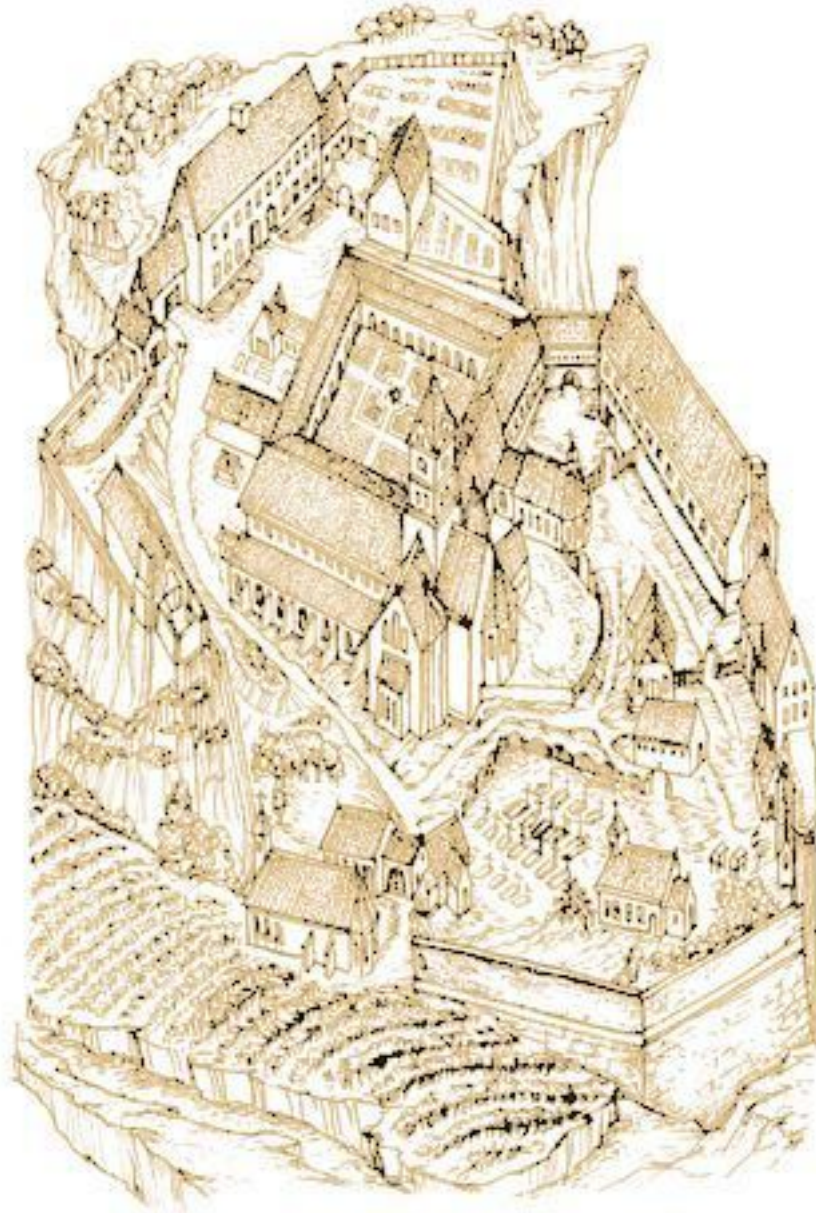
Казалось, девочка была похожа на всех остальных. Похожа, да не совсем, ведь уже с раннего детства ей случалось порой изумлять свое окружение. Одно свидетельство, приведенное позже (во время процесса канонизации), рассказывает, как она, обращаясь к своей кормилице, воскликнула: «Посмотри-ка на этого хорошенького теленочка внутри коровы! Какой он беленький, с пятнышками на лбу, на ногах и на спинке!». Когда спустя некоторое время теленок появился на свет, он совершенно соответствовал описанию Хильдегарды, которой было тогда пять лет. Но, говорит она сама, даже еще раньше, «когда мне шел третий год, я вдруг однажды увидела такой свет, что душа моя была потрясена, но, поскольку я была еще совсем маленькая, я ничего не могла рассказать». И она продолжает: «На восьмом году жизни меня принесли в духовную жертву Богу, и до одиннадцати лет я видела много вещей, о которых иногда по своей простоте рассказывала, а слушавшие меня недоумевали и спрашивали друг друга, откуда мне это приходит и что это такое. Сама я тоже удивлялась, так как то, что я видела в своей душе, иногда представало мне и как внешнее видение, а видя, что такого не было ни с кем другим, я стала всеми силами скрывать видения своей души. Я не знала многого во внешней жизни, потому что часто болела уже тогда, когда меня кормила мать, и потом тоже; это мешало моему развитию и не давало набраться сил».

Когда Хильдегарде открывалось что-либо, она спрашивала у своей кормилицы, видит ли та. Но та ничего не видала, и девочка стала бояться и не решалась больше ни с кем делиться тем, что ей дано было видеть. И все-таки иногда в разговорах ей случалось сказать о событиях, которым только еще предстояло произойти, а когда ей открывалось какое-либо видение, она начинала говорить о вещах, казавшихся ее слушателям весьма странными. После, когда иссякала сила видения, заставлявшего ее открывать вещи, превосходившие то, что она могла знать и понимать в ее возрасте, ей делалось стыдно, она часто плакала и, сколько могла, пыталась хранить молчание. Опасаясь, чтобы окружающие не спросили ее, откуда приходит у нее такое знание, она вообще не решалась больше ничего сказать.

Можно предполагать, что это дитя с хрупким здоровьем обладало даром как бы двойного зрения, который вызывал у окружающих то изумление, то беспокойство. Некоторые психологи нашего времени признают за детьми способности к интуитивному постижению, намного превосходящие способности взрослых. В случае Хильдегарды, вероятно, ее семья с самого раннего ее детства поражалась необычайному дарованию девочки, а сама она очень стеснялась его. В нашем веке мать Терезы Мартен, будущей сестры Терезы Младенца Иисуса, тоже очень рано заметила у своей дочери некое предопределение свыше.

Когда Хильдегарде исполнилось семь лет, родители поручили ее воспитание одной молодой женщине благородного происхождения, дочери графа Спонхейма по имени Ютта. Ютта вела затворническую жизнь в монастыре Дизибоденберг, неподалеку от Альзея, где они жили. Она взяла на себя ответственность за девочку, выдававшую столь необычные задатки. В те времена было в порядке вещей отдавать ребенка – мальчика или девочку – на воспитание в монастырь. Монастырь, где Ютта вступила на путь монашества, был двойным, то есть имел и мужскую, и женскую общину, а основан был тремя или четырьмя веками раньше одним из тех ирландских монахов, которые, вслед за святым Колумбаном, покинули свой остров, чтобы в буквальном смысле засеять монастырями всю Европу. Некоторые, как, например, монастырь Санкт-Галлен (Святого Галла) около Констанцкого озера, просуществовали, претерпев изменения, вплоть до наших дней. А Хильдегарда впоследствии напишет житие святого основателя Дизибода.

Итак, Ютта взяла в свои руки воспитание необычной ученицы, которую ей доверили. Биографы Хильдегарды рассказывают, что она научила ее псалмопению и игре на десятиструнном инструменте, под аккомпанемент которого их в то время пели. Всякое воспитание тогда начиналось с обучения пению и пению псалмов, а «научиться читать» означало «изучить Псалтирь». Возможно, потом воспитанники старались отыскать в рукописях Библии тексты выученных наизусть псалмов. Это был в каком-то смысле общепринятый метод обучения: слова были им уже знакомы, так что чтение и письмо, по сути, состояли в том, чтобы найти и воспроизвести то, что память уже запечатлела. Хильдегарда впоследствии скажет, что, хотя она изучила текст Псалтири, Евангелия и главных книг Ветхого и Нового Завета, она никогда не занималась ни исследованием смысла слов, ни разделением их на слоги и не имела представления о грамматических формах и временах. Ютта несколько пренебрегала преподаванием грамматики, устремив все внимание на сами тексты.

Здоровье ее ученицы по-прежнему было слабым. Позднее ее биограф в житийном стиле, который был тогда в ходу, так опишет состояние Хильдегарды: «Сосуды скудельные испытываются в горниле, а мужество совершенствуется в немощи, посему в немощах телесных она не знала недостатка, и обнаруживались они почти с самых нежных лет, были многочисленны и почти непрестанны, можно сказать, она редко держалась на ногах». Она призналась Ютте в своих тайных видениях, и Ютта обратилась за советом к одному из монахов мужской части монастыря по имени Вольмар, который вскоре стал советником, а затем помощником и другом Хильдегарды, каковым и оставался на протяжении почти тридцати лет. Он же исполнял обязанности ее секретаря, когда в этом возникла необходимость.

Детство, полное болезней и тайных, скрываемых от всех, видений, – таково начало жизненного пути Хильдегарды в стенах монастыря Дизибоденберг, в долине реки Наэ. Достигнув соответствующего возраста, она выразила желание принять постриг и стать монахиней из числа тех (кажется, их было немного), которые жили в монастыре под опекой Ютты. Ей было, скорее всего, лет четырнадцать или пятнадцать (возрастом совершеннолетия для девушек в те

времена считались двенадцать лет, а для мальчиков – четырнадцать). Ранняя юность Хильдегарды, как и детство, была скрыта от людских глаз, подобно существованию любой монахини, жившей по бенедиктинскому уставу.

Нам более или менее известно, как протекала жизнь монахинь-бенедиктинок в стенах монастырей. Их день и ночь размерены каноническими часами, так как, за исключением особо уважительных причин (например, слабого здоровья), ночной сон прерывался службой Утрени, которая совершалась сразу после полуночи. Час восхода был для монахов и монахинь часом Хвалы, за которой следовало богослужение Первого часа. Затем, как правило, совершалась Евхаристическая Литургия, а после нее в большинстве монастырей следовал завтрак. Затем наступало время Третьего часа, название которого означало третий час после восхода солнца (то есть 8 или 9 часов, в зависимости от времени года), а потом – время работы, вплоть до Шестого часа (то есть 11 или 12 часов). После этой службы был обед, а потом – свободное время до Девятого часа (14 или 15 часов), по завершении которого монахини вновь брались за труд, физический или интеллектуальный, личный или совместный. Час вечерни означал окончание дня (18 или 19 часов); за ним следовали вечерняя трапеза и свободное время, то есть часы рекреации, которые, как правило, проводились вместе. Затем часто происходило собрание в зале капитула, где все обительницы монастыря собирались вокруг аббатисы. Затем, на закате, совершалось последнее богослужение – Повечерие. В монастыре воцарялось молчание, чтобы не мешать отдыху и молитве.

Вся Псалтирь – сто пятьдесят псалмов – за неделю прочитывалась полностью. Молитва, молитвенное размышление и труд на протяжении дня чередовались, с поправками, которые вносили разные литургические периоды: время покаяния (Адвент и Великий Пост), праздники, то есть, прежде всего, конечно, Рождество и Пасха, и многочисленные праздники памяти святых, из которых самым торжественным был день Сретения, праздник Пресвятой Девы², потому что в этот день в память о Христе – свете народов, явленном в Храме Его Пречистой Матерью, богослужение совершалось при зажженных свечах.

Ютта умерла в 1136 году, и, по-видимому, число монахинь ее общины в монастыре Дизенбург к этому времени возросло. Тотчас после ее смерти монахини выбирают Хильдегарду аббатисой. Ей должно было вскоре исполниться сорок лет. Она не имела понятия, что близка к решающему событию своей жизни, которое направит ее на совершенно новые пути.

---

² По-латыни называющийся Candelaria.

Глава II

Откровение Хильдегарде о ее пути

«И вот на сорок третьем году моего земного странствия, когда я с великим страхом, трепеща, вглядывалась в небесное видение, я увидела великолепное сияние, посреди которого раздавался глас с небес, говоривший мне: «О немощный человек, прах от праха, персть от персти, говори и пиши то, что видишь и слышишь. Но как ты слишком робок, чтобы говорить, и неумел, чтобы излагать, и непросвещен, чтобы записывать это, говори и пиши не от человеческих уст и не человеческим разумом и не человеческой волей, но так, словно видишь и слышишь небесные чудеса, от Бога исшедшие. Повторяй их так, как они тебе открываются, словно внемля словам наставника, и излагай сообразно тому, как они задуманы, явлены тебе и как тебе велено. И так, человек, говори, что видишь и слышишь. Но не по-твоему и не по-человечьи, но по воле Того, Кто ведает, зрит и обладает всякой вещью в потаенной глубине Своих тайн». Это решительное повеление, в котором определяется роль Хильдегарды, подобная роли ветхозаветных пророков, бывших «уста́ми Всевышнего» и лишь передававших то, что они слышали, не заботясь ни о том, чтобы придать своим словам вид вразумительной речи, ни о том, чтобы привести содержание Божественного послания в соответствие с правилами логики или диалектики.

Хильдегарда настойчиво повторяет: «И вновь я услышала глас с небес, говорящий мне: «Иди и поведай об этих чудесах и запиши их так, как они явлены и поведаны тебе». Это было на тысяча сто сорок первом году от Воплощения Христа, Сына Божия, когда мне было сорок два года и семь месяцев. Необычайно яркий огненный свет излился с отверстого неба, почил на моей голове и на всем теле, и на груди моей, подобно пламени, которое не обжигает, но воспламеняет своим жаром, как солнце, согревающее все, на что падают его лучи». И она прибавляет: «Я ощутила силу тайн, сокровенных вещей и восхитительных видений, посещавших меня с самого юного возраста, то есть со времени, когда мне было около пяти лет, и до сего дня, внутри меня, как и теперь; я не показывала этого почти никому из людей, разве некоторым благочестивым мужам, избравшим тот же путь, что и я; в противном случае я бы мирно сохраняла молчание все это время, до сей минуты, когда Богу по благодати Его угодно было явить мне сие». Потом она говорит о словах, к которым мы еще вернемся: «Видения, которые меня посещали, приходили не во сне, не в дреме и не в исступлении; не через внешнее телесное зрение или слух. Я воспринимала их не в каком-то потаенном месте, но, бодрствуя, видела своими человеческими глазами и слышала своим слухом, хотя внутри, лишь в уме и духе, и принимала их в местах, открытых по воле Божией».

Такие слова трудно воспринять безоговорочно и сразу. Хильдегарда говорит о своей тревоге, но настаивает на том, что данное ей повеление было, совершенно очевидно, непререкаемо: «Как же это случилось? Трудно плотскому человеку уразуметь подобное, но случилось так: по прошествии юности, достигнув зрелых лет, когда приобретается совершенная сила, я услышала глас с неба, говоривший: “Я есмь Свет живой, просвещающий всякую тьму. Человека, которого Я избрал и, как Мне было угодно, чудным образом посвятил в великие чудеса, Я отделил от древних людей, видевших во Мне многие тайны. Но Я распростер его на земле, дабы он не превознесся надменностью духа своего. Мир не познал от него ни радости, ни улады, ни помощи ни в чем, что дано было ему в принадлежность, ибо Я лишил его всякого дерзновения и упорства, оставив в боязни и ужасе от своих скорбей. Ибо он страдал до самой глубины плоти своей, терпя пленение духа и чувств, терпя великие телесные страсти; никакой безопасности ему не осталось, но во всем вокруг себя он видел себя виновным. Ибо Я затворил его разоренное сердце, чтобы дух его не превознесся гордыней или тщеславием, но чтобы он

находил в них не радость и ликование, а страх и муку. И так он, в силе Моей любви, стал искать в своем духе то, что открыло бы ему путь к спасению. И был найден некто, кого он возлюбил, сочтя верным и подобным ему самому в деле спасения Моим Промыслом – дабы открылись Мои сокровенные чудеса и деяния. Тот же не отрекся и не отступил, но пришел к нему, возвысившись смирением и добрым произволением, и приклонился со многими воздыханиями. Потому ты, человеце, принимая то, что Я обращаю к тебе ради явления вещей сокровенных, не в смятении обманутых надежд, но в чистоте простого духа напиши, что видишь и слышишь”».

«Я же, – продолжает Хильдегарда, – видева и слышав все это, сомневалась и боялась неверно уразуметь и из-за разноречивости человеческих слов долгое время отказывалась писать, не по упрямству, но по смирению, пока не была к этому принуждена на ложе скорби, на котором распростерлась, пораженная язвой Божией так, что занемогла многими недугами сразу. Я испросила и обрела [ответ] в свидетельствах благородной молодой девы доброго нрава, а также мужа, к которому я, как уже говорила, втайне прибегала за советом, и приступила к писанию. И пока я это делала, ощущая великую глубину [священных] книг, я восстала от одра болезни и вновь обрела силы. Посвятив этому труду десять лет, я едва смогла завершить его. Во дни Генриха, архиепископа Майнцского, и Конрада, короля Румынского, а также Конона, аббата обители Святого Дизибода, во времена Папы Евгения мне были явлены эти видения и написаны эти слова. И я сказала и написала не по склонности моего сердца или иного кого из людей, но так, как я видела их в небесном видении, как слышала и приняла сокровенные тайны Божии. И вновь услышала я голос с неба, говорящий: «Возопи же и напиши так».

Язык видения удивителен. Удивительно, прежде всего, это слово – «человеце», то есть человеческое существо, человеческое создание. Оно свидетельствует, что Хильдегарда действительно была призвана пророчествовать, быть устами Бога, лишь воспроизводя слова, которые ей диктуются. На этом она будет настаивать всю жизнь, утверждая, что не говорит ничего, что исходило бы от нее самой, но лишь передает то, что глаголет «Свет живой».

Это предисловие к первой книге, написанной Хильдегардой, говорит о важнейшем повороте в ее жизни, которая с этих пор примет новое направление. Момент этого поворота можно определить довольно точно. На составление первой книги, которую она назвала «Scivias» – «Познай пути [Господни]», ушло десять лет. То есть она работала над ней примерно с 1141 по 1151 годы. Но книга отнюдь не была единственным занятием Хильдегарды, которая на протяжении этого времени занималась множеством других дел и начала ту неутомимую деятельность, которая была ей так присуща.

Некоторые из рукописей Хильдегарды иллюстрированы. В частности, в великолепном томе ее третьего сочинения, хранящемся в Государственной библиотеке в Лукке, есть десять прекрасных иллюстраций на всю страницу, изображающих видения монахини. Внизу, под главным образом, в небольшом украшенном квадрате, мы видим саму Хильдегарду с лицом,

обращенным вверх, откуда на нее сходят потоки пламени. Она сидит на стуле с высокой спинкой перед пюпитром и держит в руках таблички для письма, где, вероятно, поспешно записывает видение, которое ей предстоит потом изложить более подробно. Она одета в черное платье, поверх него наброшена коричневая накидка, под которой угадывается белая котта³. Рукава охватывают запястья обеих рук – той, которая держит таблички, и той, которая пишет. Таблички имеют совершенно обычную форму и сделаны из черного воска, и на каждой можно различить две колонки. Прямо перед Хильдегардой – монах, сидящий, как и она. Он пишет гусиным пером на свитке пергамента, который, по обычаю того времени, линован. Этот весьма немолодой монах, по-видимому, Вольмар. На некоторых иллюстрациях, в том числе на первой миниатюре луккской рукописи, за спиной Хильдегарды мы видим стоящую монахиню, явно более молодую, в длинном черном платье, с белым покровом на голове, из-под которого виден другой, черный, ниспадающий набок. Очень возможно, что это Рихарда – монахиня Бингенского монастыря, которую Хильдегарда, по ее собственным словам, любила, «как Павел любил Тимофея».

Таков отныне образ Хильдегарды. Суть ее жизни сосредоточилась на том, чтобы принимать и передавать то, что говорит ей «Свет живой». Монах Вольмар, ее исповедник и – вероятно, не без посредничества Ютты – ее первое доверенное лицо, будет ее секретарем вплоть до своей смерти, то есть до 1165 года. Скорее всего, именно благодаря ему монахи монастыря Дизибоденберг окажутся посвященными в новую деятельность аббатисы и в ее видения. Это не могло не вызвать беспокойства у церковных властей, в том числе у аббата самого монастыря, Конона. Он сообщил о своих опасениях Майнцкому архиепископу Генриху, управлявшему епархией, к которой принадлежал его монастырь. Несмотря на благоприятные отклики о содержании видений, и тот, и другой были ими смущены. В это время, в конце 1147 года, начинаются разговоры о желании Папы Евгения III созвать в Реймсе Собор. Для подготовки Собора он намеревался провести синод в Трире. К тому моменту тексты Хильдегарды уже составляли начало ее первого труда – «Scivias». Это стало подходящей возможностью для того, чтобы представить на суд собравшихся священнослужителей труд монахини, сподобившейся откровения.

Великолепным местом для синода был этот город Трир, о котором в наше время любят говорить как о древнейшем городе Германии. Знаменитые Черные врата, «Porta Nigra», еще и сегодня свидетельствуют о его древности. Они были частью укреплений, возведенных императором Константином, который до 316 года жил в этом городе вместе со своей матерью Еленой, ставшей потом одной из христианских святых. В их эпоху Трир был важнейшей митрополией Римской империи. Поскольку он был узлом, через который проходили самые активные пути сообщения, средоточием легионов, которые квартировали там на случай отпора варварским набегам, и к тому же речным портом на правом берегу Мозеля, он оставался императорской резиденцией до конца IV в. В прекрасном здании современного кафедрального собора еще можно различить общий план храма, возведенного Константином и образующего нечто вроде ядра строения. Дважды разрушенный – франками в VII в. и норманнами в конце IX, – он был перестроен в 1037 году. Приезд Папы стал подходящим случаем для того, чтобы его расширить и устроить новый алтарь в восточной части. В то же время архиепископ Хиллин решил купить то, что до наших дней носит название «Aula palatina» – бывший дворец Константина, превратившийся к тому времени в руины. Он был отчасти восстановлен, чтобы послужить местом встречи церковнослужителей, собравшихся на синод.

Чтобы оценить важность этого синода, надо вспомнить о долгих распрях, кипевших на германской земле между Римскими папами и императорами, которые не соглашались отка-

³ Котта (франц. cotte) – европейская длинная верхняя одежда с узкими рукавами, заменившая в Средние века тунику. – Прим. ред.

зываются от своих привилегий и привычек, сложившихся в эпоху Каролингов, и продолжали вмешиваться в назначение епископов и аббатов монастырей. Реформа, проведенная деятельным Папой Григорием VII, была принята лишь двадцатью годами раньше, в 1123, во время соглашения, получившего название Вормсского конкордата. Однако Папа Евгений III, созвавший синод, был цистерцианцем, воспитанником Клерво, то есть самого святого Бернарда. Для этого понтифика святость оставалась главной заботой в исполнении его обязанностей. Целью собора, который он созывает в Реймсе, будет утверждение тенденции к реформе Церкви, начавшей проявляться после Григория VII.

Итак, представительное собрание состоялось в Трире в конце 1147 года. Вероятно, контраст между внушительным собранием – епископами, кардиналами, аббатами монастырей – под председательством самого Папы (в числе присутствовавших был и Бернард Клервоский – бесспорный авторитет в христианском мире; его влияния оказалось достаточно, чтобы несколькими годами раньше погасить волнения, вызванные схизмой Анаклета) и маленькой худенькой аббатисой неприметного монастыря с берега Рейна, удостоившейся, по ее словам, Божественных видений, был разительным. По требованию архиепископа Майнцского Генриха и аббата монастыря Святого Дизибода Конона Папа назначил двух прелатов, которые должны были поехать на место и лично посетить Хильдегарду, расспросить о ее поведении, привычках и писаниях. Этими прелатами стали епископ Вердена Альберон (или Оберон) и его викарий по имени Адалберт.

Оба отправились в монастырь Святого Дизибода. Результаты опроса оказались удовлетворительными, и они доставили в Трир уже написанную часть «*Scivias*». За этим последовала удивительная сцена, три столетия спустя восхищавшая аббата Спанхейма Иоганна Тритхейма (известного эрудита, собравшего в своей библиотеке больше двух тысяч рукописей и описавшего жизнь Хильдегарды, предварительно изучив все доступные источники). «Публично, перед лицом собравшихся, Папа прочел сочинения девы. Он сам исполнял служение чтеца и огласил значительную часть написанного труда. Все слышавшие слова сего писания, исполнившись восхищения, единодушно воздали славу всемогущему Богу». Папа, читающий перед огромным собранием труд маленькой монахини, до тех пор никому, кроме ближайшего окружения, не известной, – действительно необычайное зрелище. Автором заключения, сделанного после этого слушания, считается святой Бернард: «Следует остерегаться угасить столь дивный свет, зажженный Божественным дыханием».

После заседания Евгений III лично написал Хильдегарде. Его письмо положило начало переписке Хильдегарды, которая отныне делается важной частью ее жизни. Оно стало первым в длинном списке писем: даже неполное современное издание «*Patrologiæ Latina*» включает в себя 135 писем из их числа (на каждое имеется ответ) и занимает не меньше 240 убористых колонок этого издания. «Мы восхищены, дочь моя, – пишет Папа, – и восхищены сверх всяких ожиданий тем, как Бог являет в наши дни новые чудеса, изливая на тебя Духа Своего, и ты, говорят, видишь, разумеешь и описываешь многие сокровенные вещи. Мы узнали об этом от людей, достойных доверия, видевших тебя и беседовавших с тобой. Что же сказать нам, обладающим ключом ведения, коим можем отверзать и замыкать, и по неразумию своему пренебрегшим и не сделавшим сего? Итак, мы сорадуемся с тобою о благодати Божией. Мы приветствуем тебя и обращаем сие [приветствие] к твоей милости, дабы ты знала, что Бог противится гордым, а смиренным дает благодать (см. Иак 4). Сохраняй же благодать, которая в тебе пребывает, да восчувствуешь, что открывается тебе в духе, и со всяким благоразумием опишешь это всякий раз, как слышишь. (...) “Отверзи уста твои, и Я наполню их” (Пс 70)». В заключение он прибавляет: «То, что ты дала нам знать о месте твоего пребывания, открытом тебе в духе, сие с нашего позволения и благословения и с благословения твоего епископа, – да будет так; живи со своими сестрами по уставу святого Бенедикта в той обители».

Так пишет Евгений III, обращаясь к Хильдегарде. Последний абзац требует некоторых пояснений: он дает разрешение на перевод восемнадцати монахинь, собравшихся вокруг аббатисы монастыря Святого Дизибода, в Бинген, который впоследствии и станет знаменит. С некоторых пор общине стало тесно в стенах монастыря; нужно было подыскать для нее новое место жительства. Хильдегарда сообщила аббату и его собратьям место, которое, как она говорила, было указано ей Святым Духом: это был Рупертсберг, расположенный недалеко (на расстоянии 25–30 километров) от монастыря Святого Дизибода, в Бингербрюке – месте слияния Рейна и Наэ, совсем рядом с небольшим портом Бинген-на-Рейне, занятым и укрепленным Друзом во время римской оккупации в конце I в. до Рождества Христова.

Этот перевод происходил не без трудностей. Мужская община монастыря Святого Дизибода недоброжелательно восприняла весть об уходе монахинь, заметно сокращавшем численность обитателей монастыря. Хильдегарда никогда не видела Рупертсберга, куда собиралась перебраться. То был холм, издавна носивший имя святого Руперта – праведника, который по праву наследования избрал себе это место для жительства и жил там со своей матерью Бертой.

Возникший конфликт длился довольно долго. В его перипетиях вымысел переплетается с историческими фактами. Один из монахов по имени Арнольд особенно яростно сопротивлялся уходу монахинь и подстрекал других всячески этому препятствовать. Внезапно у него обнаружилась такая опухоль на языке, что он не мог ни закрыть рта, ни членораздельно говорить. Объясняясь, как мог, знаками, он велел привести его в церковь Святого Руперта, где пообещал святому, что больше не будет чинить препон созданию нового монастыря, а напротив, постарается помочь по мере своих сил. Тотчас же он вновь обрел здоровье и первым начал готовиться к возведению строений и выкапывать виноградники на местах, где предполагалось построить дома для жительства монахинь.

Однако в это время больная Хильдегарда лежит в постели, скованная и тяжелая, как камень. Об этом доносят аббату Конону, и он, не поверив, пытается приподнять ей голову или перевернуть ее с одного бока на другой, но безуспешно. Ошеломленный этим, как говорит автор «Жития», «необычайным чудом», аббат понимает, что так проявляется воля Божия, и, в конце концов, дает разрешение на переход. Монахиням предстояло еще получить разрешение каноников майнцской церкви, но оно было получено беспрепятственно. Так «дева Господня получила позволение придти жить со своими сестрами в оратории Святого Руперта» и в окружающих строениях, где был устроен новый монастырь. Он находился в ведении графа Бернарда Хильдесхаймского, давшего согласие на его основание. Мы видели, что этот замысел был одобрен и самим Папой.

Приезд и вселение монахинь в новую обитель сопровождался большим стечением народа: жители соседнего города Бингена приходили толпами, выражая радость по случаю их приезда. Сама Хильдегарда и восемнадцать сопровождавших ее монахинь тоже ликовали и благодарили Бога. Аббатису пришлось посадить на лошадь и на протяжении всего пути до Рупертсберга поддерживать с двух сторон. Но, приехав на место, она тотчас почувствовала себя окрепшей, как и тогда, когда ей удалось договориться с братьями обители Святого Дизибода.

Монастырь Рупертсберга, оказавшийся в XVII в. жертвой шведских вторжений, в наши дни совсем превратился в развалины. Из обителей, основанных аббатисой, сохранилась только вторая, а именно – монастырь Айбинген, расположенный на правом берегу Рейна в Рюдесхайме. Только он пережил шведские, а затем французские нашествия, которым подвергались эти земли. Он несколько раз восстанавливался, и сегодня там находятся могила Хильдегарды и несколько сохранившихся более поздних мозаик, воспроизводящих сцены ее видений.

Но посмотрим, что это были за места, которые стали ее приютом. Этот удивительно красивый край всегда вдохновлял поэтов, особенно в XIX в. – в эпоху немецкого романтизма. По обоим берегам реки Боппард близ Висбадена мы встречаем множество названий, вызывающих ассоциации и со всякого рода легендами, и с реальными историческими событиями.

Легенды эти часто поздние, подобно легенде о Мойзетурме, «Мышиной башне», возвышающейся на скалистом острове напротив Рупертсберга. Рассказывают, как Майнцский епископ Хатто устроил там во время голода склад зерна и, до крайности раздраженный требованиями и жалобами бедняков, осаждавших его, велел запереть их в амбаре и поджечь. «Слышите, как пищат мои мыши?» – приговаривал он, слушая их крики. Той же ночью стаи мышей наводнили его дворец. Спасаясь от них, он бросился в Рейн, но они устремились за ним туда и съели его живьем. Это один из вариантов знаменитой легенды о флейтисте, который с помощью волшебной мелодии увлек за собой полчища крыс; когда же, избавив свой город от их нашествия, он не получил причитающуюся ему плату, то пением флейты выманил из города всех детей и завел в реку, где они и утонули.

Неподалеку, на правом берегу, в Санкт-Горсхаузене высится скала Лорелеи, прославленная поэмой Гейне. Лорелея неотделима от немецкой поэзии начала XIX в. Близ нее есть еще одна скала, в которой легенда все еще видит семерых девушек, околдованных водяным.

Но помимо этих захватывающих, иногда трагических историй, есть еще рейнские виноградники, сделавшие знаменитыми и старинный город Лорш, и Рюдесхайм, где и сегодня еще полно трактиров и кабачков, а в старом крепостном замке X в. (Нидербухе) открыт музей вина. Бенедиктинское аббатство Эбербах, основанное в XII в. чуть дальше, ближе к Висбадену, благодаря технике цистерцианцев, которые в Средние века по праву считались истинными знатоками всех отраслей сельского хозяйства, очень скоро стало центром виноделия Германии. Местные вина до сих пор пользуются самым живым спросом, в то время как церковь, монастырский двор, дормиторий – то есть все, что осталось от аббатства – привлекают лишь некоторых туристов.

Сам же регион, невзирая на все разрушения, все еще щетинится многочисленными башнями и укрепленными замками. Порой мы видим одну лишь часовую башню, как, например, в замке Райнфельс: она напоминает об одной из самых могучих крепостей, которых когда-то в долине Рейна было великое множество; а порой, как в Бухарахе, крепостную башню, вдохновлявшую Гийома Аполлинера. Часто встречаются современные реконструкции старинных башен: например, в замке Зоонек, на правом берегу – в замке Ланек; или, в нескольких километрах от последней (настоящее чудо!), – башня Максбург, единственная оставшаяся невредимой с XIII в. Кроме того, есть замки и церкви, как, например, Браубах (XIII в.) или Эстрих (XII в.), сильно реконструированные в эпоху Возрождения. Так, на протяжении сотни километров, по обоим берегам реки, эта средневековая и романтическая атмосфера, полная воспоминаний о прошлом, создает всей истории Хильдегарды и ее спутниц словно очаровательную раму. Невозможно отделить дух этих мест от деяний монахини-пророчицы: этот «genius loci» совершенно соответствовал масштабу того, что открывал ей обитавший в ней «Lux vivens» («живой свет»).

Водворение Хильдегарды и монахинь ее общины в Рупертсберге относится примерно к 1148–1150 годам. Впоследствии она напишет биографии обоих святых – покровителей мест обитания ее общины. Святой Дизибод, ирландец, как говорят, в VI в. поселился на берегах Рейна с тремя монахами, был их аббатом, при этом оставаясь отшельником, живя поодаль от них и встречаясь с ними только для совершения богослужений. Так продолжалось до самой его смерти, то есть примерно до 700 года. Он был участником великого так называемого «крестового похода», а именно – миграции ирландцев, которые на протяжении Средних веков самоотверженно покидали родной остров и селились в пустынных местах, чтобы вести уединенную и созерцательную жизнь. Неподалеку от этого места и примерно в то же время святой Галл близ Констанцкого озера основал монастырь, сохранившийся до наших дней. Что же касается святого Руперта (или Роберта), то он был франком и состоял в родстве с меровингской королевской семьей. В 696 году он был назначен епископом Вормса. Затем, изгнанный язычниками,

которых в тех местах было еще много, он нашел себе прибежище в Регенсбурге (Ратисбонне), а потом основал обитель, вокруг которой в скором времени возник целый город – нынешний Зальцбург. Наконец, в 718 году он вернулся в Вормсскую епархию, там умер и был похоронен в Рупертсберге.

Написание этих двух биографий было лишь одной из сторон деятельности Хильдегарды, жизнь которой была невероятно насыщена. Тем не менее, они напоминают о создании двух монастырей, которые были местом ее обитания, молитв и видений до тех пор, пока она не основала третью обитель – монастырь Айбинген около Рюдесхайма, на этот раз на правом берегу Рейна. Датой ее возникновения следует считать, по всей вероятности, 1165 год.

Можно представить себе жизнь в Рупертсберге, в стенах еще строящегося или, во всяком случае, еще не устроенного окончательно монастыря, посреди виноградников рейнского побережья. Хильдегарда и ее монахини поселились во временных строениях, которые были полностью завершены лишь через несколько лет. Вероятно, именно это она имеет в виду, рассказывая в 3-й главе своего «Жизнеописания», как, восстав от болезни, осознала, что, «обретая душевный покой, должна теперь позаботиться о своих дочерях, – об их телесных нуждах и нуждах духовных, как было определено моими наставниками». Под «наставником», очевидно, следует понимать ее духовника, а то и попросту устав святого Бенедикта. Позаботиться о монахинях действительно было нужно: некоторые из них явно устали и пали духом. «В истинном видении с большой тревогой я увидела, как на нас восстали духи злобы. Я видела, как они нападали на некоторых из моих благородных дев через всякого рода суетные помыслы и тщеславие и улавливали их, словно в сети. Тогда я, просвещенная Богом, собирала их, наставляла и в душеполезных беседах вооружала словами Священного Писания и разъясняла послушание. Однако некоторые из них, видя меня в ложном свете, тайно язвили своими речами, сетуя, что не могут снести сурового правила уставной дисциплины, которой я желала их подчинить. Но Бог послал мне утешение в иных добрых и мудрых сестрах, не оставлявших меня в моих скорбях, – как Сусанне [см. Дан 13 – прим. автора], которую Он спас от лжесвидетелей».

И Хильдегарда прибавляет: «И хотя я утомилась от этих злоключений, отнимавших мои силы, благодатью Божией я смогла завершить «Книгу заслуг житейских», открытую мне Богом». Оказавшись перед лицом и материальных трудностей, и тех, которые возникали из-за поведения некоторых сестер вверенной ей обители, Хильдегарда все же не оставляет работы над своим вторым сочинением – «Книгой заслуг житейских».

Впрочем, это далеко не единственное ее занятие: по-видимому, сочинение музыки занимало ее на протяжении всей жизни. Что же касается двух книг по медицине и естественным наукам, то в автобиографии ничего не говорится о том, в какой момент они были написаны. Вдобавок трудно представить себе жизнь монахинь и самой Хильдегарды в ту пору без посетителей, постоянно стекавшихся в Бинген. Местные жители встретили ее «с великим ликованием и хвалами Богу», но гости приходили совсем не только из близлежащих мест. Бернар Горсикс, цитируя биографию Хильдегарды, пишет: «После трирского синода казалось, будто весь католический мир пришел в движение... даже из самых отдаленных мест приезжали пешие и конные паломники».

Один из них привлек особенное внимание авторов жизнеописания святой, хотя его имени они не называют (книга II, глава 3): «Господь помогал ей [аббатисе] не только в болезнях или бесовских напастях, но и в напастях человеческих; Бог обращал к добру сердца ее противников. Она сама рассказывала об обращении одного философа, который поначалу враждовал не только с ней, но и с самим Богом, а после пережил великое преобразование, совершенное рукой Всевышнего...». Этот философ, имя которого не упоминается, мог быть ученым; но, во всяком случае, он был неверующим и скептически относился к монахине, чьи необычайные откровения так высоко превозносили. «Философ этот, имевший большое богатство, долгое время сомневался в том, что было мне открыто в видениях; но наконец пришел к нам и

стал помогать в устройстве нашей обители, доставляя разного рода сооружения, устройства и прочие насущные предметы; нас очень обрадовало, что Бог не забыл и о них. После тщательного, но благоразумного исследования, он спросил, каковы и где находятся описания видения, и, в конце концов, уверовал в его Божественное вдохновение. Этот человек, сначала выказывавший нам свое небрежение исполненными злобы словами, впоследствии (слава Богу, столь много совершившему для обращения его сердца к правде!) стал изливать на нас всяческие благословения. Таким же образом Бог, желая сохранить сынов Израиля, потопил в Красном море фараона. Изумленные такой переменой, многие еще более уверовали, и Бог через этого мудрого мужа благословил нас... Итак, все мы стали именовать его нашим отцом. Он же, вначале объявивший, что принадлежит к княжескому роду, после пожелал, чтобы его похоронили у нас, что и было исполнено».

В отличие от этого уверовавшего скептика многие посетители приходили искать у богодухновенной аббатисы душевного мира или телесного исцеления. Биографы Хильдегарды перечисляют немало фактов, в то время казавшихся чудесными, хотя современному читателю они, вероятно, кажутся менее убедительными, чем ее необъятная переписка, где она дает советы – то есть наставления – представителям власти, как духовной, так и мирской. Но, конечно, чтобы понять причину и силу авторитета, каким пользовалась в тогдашнем беспокойном мире неприметная монахиня с берега Рейна, лучше, как это сделал философ, обратиться к ее первому сочинению, получившему одобрение Папы и святого Бернарда, – к «Scivias».

Глава III "Scivias"

Конечно, теперь невозможно узнать, какой именно отрывок из «Scivias» Папа прочитал перед синодом, собравшимся в Трире. По крайней мере, известно, что речь идет о первых главах книги, которые к 1147 году были уже написаны (весь труд был завершен в 1151 г.). «Scivias» состоит из трех книг. Первая представляет шесть видений Хильдегарды с ее собственными комментариями; вторая – семь, третья – тринадцать. Последнее из видений этой третьей книги заканчивается своего рода театральной пьесой или, скорее, оперой. Добродетели в ней персонафицированы и претерпевают нападки бесов. Позднее Хильдегарда вновь вернется к этому сюжету в музыкальном произведении, названном «Ordo virtutum».

Поскольку невозможно определить, какой именно отрывок прочел Папа, мы предпочли выбрать третье видение из первой книги «Scivias», характерный тон которого автор сохраняет и в дальнейшем, во всех своих сочинениях.

«Я увидела огромную сферу, исполненную тьмы, овальной формы, менее широкую у вершины, более пространную в середине, сужающуюся к основанию, во внешней части опоясанную кругом света, а внизу окутанную мраком. И в этом огненном круге был охваченный пламенем шар, такой большой, что вся сфера озарялась им. Сверху – расположенные в ряд три звезды, которые поддерживали горение шара, чтобы огонь мало-помалу не угас. И шар этот то поднимался выше и источал больше света, распространяя свои огненные лучи дальше; то опускался ниже, где было холоднее, из-за чего пламя угасало.

Но из этого сплетения огненных языков, окружавшего сферу, исходил вихрь, а из оболочки тьмы, окружавшей сплетение огненных языков, – другой вихрь, который издавал могучий рокот и распространялся по сфере во все стороны. В самой оболочке был темный огонь, столь ужасающий, что я была не в силах на него смотреть, и, полный бурь и возмущений, острых камней, больших и малых, он сотрясал эту оболочку всей своей мощью. Когда же слышен был его треск, светящийся круг, и вихри, и воздух содрогались так, что раскатам предшествовали молнии, ибо этот огонь прежде в себе самом ощущал сотрясение, производившее смуту, но поверх оболочки небо было чистейшим и без единого облака.

В небе же я различала шар, горевший огнем, довольно большой, и над ним – две целенаправленно расположенные там звезды, удерживавшие сам шар, чтобы он не вышел за пределы своего следования. Там же, в небе, повсюду находились многие другие светящиеся сферы, среди которых тот шар, слегка переливаясь, изредка испускал свет; и, касаясь пламени горящего шара, дабы подкрепить горение своего огня, вновь направлял его к тем сферам.

Из самого неба исходили могучий свист ветра и вихри, распространявшиеся по всей небесной сфере. Под небом же я видела влажный воздух, над которым – облако, и оно, расходясь во все стороны, источало свою влагу по всей сфере. А когда влага собралась, внезапно с шумом пролился сильный дождь. Когда же она иссякла, он сменился мелким дождем, который падал с легким шумом. Тогда возникли свист ветра и вихри, которые распространились по всей сфере. Посреди всех этих стихий был песчаный шар огромных размеров, и сами стихии окружали его таким образом, что он не мог скрыться ни в одном направлении, ни в другом. Пока же эти стихии с разнообразными ветрами пребывали в борении, они своей силой вынуждали песчаный шар понемногу двигаться. И между Севером и Востоком я видела словно высокую гору, отбрасывавшую в сторону Севера много теней, а в сторону Востока излучавшую много света. (...)

И вновь я услышала голос с небес, говоривший мне: “Бог, сотворивший все вещи Своей волею, сотворил их для познания и чести имени Своего. Не для того лишь, чтобы показать в

них земное и преходящее, но чтобы через них явить вечное и незримое. Сие и открыто тебе в видении, которое ты созерцаешь”».

Затем Хильдегарда разъясняет свое видение. Предмет, который она описывает вначале – круглая и темная сфера, – является для нее знаком Бога. Вот комментарий: «Первоначально люди были грубы и просты нравом; затем, при Ветхом и Новом Законе, став более просвещенными, они начали вредить друг другу и друг друга терзать. Но в конце веков, – прибавляет она, – им придется из-за своего ожесточения претерпеть многие скорби».

Она поясняет, что облако мрака, окружавшее огонь, означает тех, кто не верует. «Шар в этом огне – сверкающий пламенем и такой величины, что он освещал всю сферу, – сиянием своего великолепия открывал, чем является в Боге Отце возлюбленный и неизреченный Сын, Солнце правды, охваченный огненной любовью и обладающий славой столь великой, что вся тварь просвещается сиянием Его света. Огненный шар порой опускался ниже (...): это означает, что Единородный Сын Божий, родившийся от Девы и милосердно уничтоживший Себя ради нищеты человеческой, претерпит все телесные скорби и покинет мир, чтобы возвратиться к Отцу. (...) Это значит: поскольку чада Церкви принимают Сына Божия внутренним знанием сердца, святость Его тела возвысится силой Его Божества и, посредством неизъяснимого чуда, ночь сокровенной тайны восхитит Его, скрыв от глаз смертных, ибо Ему служат все силы».

Дальше она объясняет, что одно дуновение ветра есть знак Бога, наполняющего вселенную Своим всемогуществом, а бурный порыв и вихри порождены злобой сатаны, от которого «исходит злонравие (...), распространяющееся по сфере во все стороны, ибо в веке сем все перемешивается между народами на различный манер». Видимо, она имеет в виду, что убийство сочетается с жадностью, пьянством и самыми жестокими проявлениями злобы.

«И все же, – продолжает она, – на этой оболочке небо чисто и без единого облака, ибо за кознями древнего искусителя сияет лучезарная вера. (...) Она исходит не сама от себя, но покоится на Христе. И в небе виден шар, горящий огнем, большой величины, истинно означающий Церковь, собранную верой: о том свидетельствует непорочное белоснежное сияние, образующее ореол славы; над ним – две ясно различимые звезды (...) показывают, что Церковь управляют два Завета – завет ветхого закона и завет нового. (...)

Там же, под небом, ты видишь влажный воздух, а внизу – белое облако, которое, расширяясь во все стороны, орошает влагой всю сферу». Это образ крещения, «являющего всему миру источник спасения для уверовавших. (...) Из него также исходит дуновение с вихрями и распространяется по всей сфере, ведь, как только стало распространяться крещение, принесшее спасение верующим, так посредством мудрых слов стала распространяться и истинная слава; (...) в среде народов, которые оставили неверность и обратились к католической вере, она достигла всех».

Наконец, песчаный шар означает человека и мир, сотворенный для него. Здесь комментарий Хильдегарды становится молитвой: «Боже, чудесно сотворивший все сущее, Ты увенчал человека золотым венцом разума; Ты облек его в дивное одеяние видимой красоты, поставив его, как князя, над совершенными делами рук Твоих, которые Ты праведно и благо устраивал посреди твари. Ибо Ты наделил человека достоинством великим и дивным, превышающим достоинство других созданий». В этот миг созерцания Божественного Хильдегарда выказывает чувство, которое мы не раз находим в ее трудах и которое было присуще людям ее эпохи – восхищение красотой творения. То же чувство глубоко испытал и прекрасно выразил Гуго Сен-Викторский: «Богу, – говорит он, – угодно было не только чтобы мир был, но чтобы он был дивно красив и великолепен».

Когда Хильдегарда объясняет значение большой горы, вознесшейся между Севером – местом тьмы – и Востоком – обителью света, открывается еще один аспект: она имеет в виду грехопадение человека «из-за ужасающей лжи лукавого духа, причиняющего осужденным на проклятие многие муки». Она говорит о «людях, которые упорно искушают Меня своим нече-

стивым искусством, исследуя тварь, созданную для служения им и требуя открыть им все, что им захотелось узнать. Могут ли они ухищрениями своего искусства продлить или сократить время жизни, определенное Создателем? Разумеется, не могут ни того, ни другого, ни на час. Могут ли они изменить Божественное предопределение? Никак. Однако иногда Я попускаю твари открывать вам ваши страсти и их черты, ибо тварь боится Меня, своего Бога (...). О неразумные, когда вы предаете Меня забвению, не желая обратиться ко Мне и поклониться Мне, и взираете на тварные создания, чтобы узнать, что они предскажут вам, вы упорствуете, отвергая Меня, и поклоняетесь жалкой твари, предпочитая ее Творцу». Вероятно, она имеет в виду всякого рода гадания и лжепророчества. И дальше: «Однако иногда, по Моему попущению, звезды являются людям знамениями. О том свидетельствует Мой Сын в Евангелии, говоря: «И будут знамения...». Это означает: люди будут просвещены светом такого рода звезд; а их обращение будет указывать времена времен. В последние же времена по Моей воле наступят бедствия и пагуба всякого рода; порой лучи солнца, сияние луны и свет звезд будут меркнуть, чтобы привести в смятение сердца человеческие».

Дальше Хильдегарда приводит в пример звезду, направлявшую путь волхвов, тем самым говоря: то, что каждый человек имеет «свою звезду», определяющую его жизнь (как верит и учит неразумный и заблудший народ), неправда. Вифлеемская звезда воссияла, «ибо Сын Единородный родился от непорочной Девы. Однако она никак не определяла путь Моему Сыну, а только послужила верным знамением Его воплощения для народа, ибо все звезды и всякая тварь, боящаяся Его, исполняет лишь Мою волю. Никакого другого значения они (звезды) больше не имеют (...). Так Хильдегарда расправляется с астрологией и гаданием, со всем тем, что уводило человека от веры и искажало восприятие Божественной тайны: «Я не желаю, чтобы ты исследовал звезды, или огонь, или крылатые существа или иную какую-либо тварь, чтобы постичь будущее». Продолжая говорить о пагубных заблуждениях и бесовском колдовстве, она вновь дает слово Богу, Который взывает: «О человек, Я приобрел тебя Кровью Сына, не хитростью или нечестием, но величайшей правдой. Ты же оставляешь Меня, истинного Бога, и следуешь за тем, кто лжив. Я – правда и истина, и Я предваряю тебя в вере, увещаваю в любви и привожу к покаянию, дабы ты, даже будучи уязвлен грехом, мог восстать от бездны своего падения».

Продолжая комментировать видение, она прибавляет слова наставления, которые обратил к ней Свет, открывшийся ее глазам: «О безумные! Для чего вы пытаете тварь о сроках своей жизни? Никто не может знать времени своего, избежать или изменить определенного Мною. Ибо когда твое спасение, человек, будет совершено – будь то в земных вещах или в духовных, – ты оставишь нынешний век, чтобы переступить порог в бесконечное. Ибо когда человек обладает столь великой мощью, что любит Меня превыше всякой твари (...), Я не отделяю его дух от тела, пока в нем не созреют сочные плоды, источающие благоухание. Но того, кого Я сочту немощным, то есть неспособным сносить Мое бремя посреди искушений лукавого, в тяжком порабощении своему телу, Я беру от века сего, прежде чем он иссохнет и увянет его душа, ибо Мне ведомо все. Я хочу дать роду человеческому всякую правду ради сохранения его, чтобы никто не мог найти оправдания, когда Я предостерегаю человек и увещаваю их творить дела правды, когда наполняю их страхом смертного Суда так, словно они должны вот-вот умереть, хотя бы на самом деле им предстояло жить еще многие дни...».

В следующем видении, четвертом по счету в книге «Scivias», вопрос об участии человека вновь возвращается, и вновь в образной форме, соответственно этапам развития человеческой жизни. «Я увидела ослепительное и безмятежное сияние, исходящее как бы из множества очей, четырьмя углами обращенное к четырем частям света, и сияние это, олицетворяющее высшую тайну Творца, было мне явлено в великой тайне. В этом ослепительном сиянии явилось другое, подобное утренней заре и обладавшее словно пурпурным свечением (...). И я увидела словно образ женщины, имевшей во чреве как бы совершенный образ человека; и вот, по

сокровенному предопределению Творца этот человеческий образ обнаружил движение жизни, и огненная сфера, в которой не было никаких черт человеческой плоти, овладела его сердцем, охватила его мозг и пронизала все члены; затем человеческий образ, оживотворенный таким образом, вышел из чрева женщины и совершал движения, подобные движениям людей (...), и уподобился цветом их цвету.

И вот, наступило время скорбей для этого человеческого образа, ибо падение сделало его добычей для всех опасностей: «Где я, чужестранка? В сени ли смертной? Каким путем я следую – не путем ли заблуждения? И какое утешение мне доступно – не утешение ли странников? Ведь я должна была бы иметь скинию из драгоценного камня, сияющую больше, чем солнце и звезды, ибо заходящее солнце и гаснущие звезды не должны были сиять в ней, так как ей приличествовало исполниться ангельской славы; топаз должен был служить ей основанием, а драгоценный камень образовать все устройство ее; ее ступени должны состоять из чистого хрусталя, а галереи – из золота, ибо я должна была быть среди ангелов, ибо я – живое дыхание, которое Бог вдохнул в безводную материю. Потому мне следовало знать Бога и любить Его. Но когда моя скиния (тело человека – хранилище Святого Духа) уразумела, что может глазами своими озирать все вокруг себя (знак свободы, дарованной человеку, возможность выбора, его желания и способность самому выбирать то, что для него благо или дурно), она обратилась к Аквилону (месту холода и отчаяния)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.